

И. К. БЕЛОДЕД

ВЛИЯНИЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ
НА РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

I

В январе 1954 г. исполнилось 300 лет со дня воссоединения Украины с Россией в результате освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. «Воссоединение Украины с Россией, несмотря на то, что во главе России стояли тогда царь и помещики, имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов»¹.

Героическое освободительное движение украинского народа, его консолидация в борьбе против гнета шляхетской Польши и агрессивных устремлений султанской Турции, против попыток духовно поработить украинский народ при помощи уни, уничтожить его культуру, язык, религию находили отображение в острой полемической, обличительной литературе публицистически-церковного и светского характера, в художественных произведениях, в научных трактатах, проповедях и т. п.

Литературный язык на Украине в XVII в. имел довольно широкое для своего времени применение в печатных и рукописных сочинениях разных жанров, а также в устных произведениях ораторски-полемического, ораторски-проповеднического, панегирического и другого характера. Язык украинской народности в то время еще не выработал единой нормализованной письменности; это совершилось позже — в конце XVIII — в начале XIX в., в период формирования украинской нации и ее национального литературного языка. В XVII в. на Украине для нужд просвещения, науки, государственно-дипломатических, деловых сношений, художественной литературы, для нужд церкви использовались два вида литературного языка, имевших уже длительную историю и прочные традиции, — это так называемый «язык славянорусский» (т. е. та система книжной речи, которая сложилась на основе взаимодействия церковнославянского и книжного русского языка) и «книжный украинский» (южнорусский, малорусский, «диалект русский»)²; кроме того, школа, наука, административные органы, церковь нередко пользовались польским, латинским, греческим языками³.

Среди тех факторов, которые вносят большие изменения в развитие языка, первостепенное значение имеют появление печатного станка и разви-

¹ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654 — 1954 гг.). Одобрены ЦК КПСС, I, «Правда» 12 I 54.

² Ср. П. Ж и т е ц к и й, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, Киев, 1889; его же, «Энеида» Котляревского и древнейший список ее в связи с обзором малорусской литературы XVIII века, Киев, 1900.

³ См. С. I. М а с л о в, Українська друкована книга в XVI—XVIII вв., Держ. вид-во України, 1925.

тие литературы. Эти факторы сыграли огромную роль и в развитии украинского литературного языка конца XVI и XVII в. Одним из ярких свидетельств братской связи русской и украинской культуры является то, что русский первопечатник Иван Федоров был и первопечатником Украины. В 1574 г. Иван Федоров напечатал в основанной им во Львове типографии книгу «Апостол». Затем Иван Федоров организовал типографию в г. Остроге и в 1581 г. напечатал Острожскую библию. В 1615 г. типография была основана в Киево-Печерской лавре; работали также типографии на Волыни, в Галиции, были и так называемые передвижные типографии (например, типография украинского общественного деятеля и писателя Кирилла Транквильона, напечатавшего в 1618 г. в Почаевском монастыре свое «Зерцало богословия», а в следующем году в с. Рахманове Кременецкого уезда — учительное евангелие. Появление книгопечатания содействовало развитию украинской литературы и литературного языка.

К середине XVII в. украинская литература уже имела выдающиеся произведения различных жанров.

1. Полемическая литература: «Ключ царства небесного» Герасима Смотрицкого (1587), «Казанье святого Кирилла, патриарха Иерусалимского, о Антихристе и знаках его в розширеніем науки против ересей розныхх...» Стефана Зизания (1596), «Апокрисис albo отповѣдь на книжку о съборѣ Берестейском, именем людей старожитной релѣги (религии) греческой, через Христофора Филялета врихлѣ дана» (на польском языке — 1597 г., украинский перевод — 1598 г.), «Пересторога» неизвестного автора (1606), «Палинодія» Захария Кошыстенского (1621), учительное евангелие (1619) Кирилла Транквильона Ставроведского и др. К концу XVI — началу XVII в. относится литературно-полемическая деятельность Ивана Вишенского, творчество которого представляет целую эпоху как в истории украинской литературы, так и в истории украинского литературного языка. До нас дошло 17 произведений Ивана Вишенского, большая часть которых при жизни автора распространялась в рукописях. Главнейшие из них: «Извѣщеніе краткое о латинских прелестех» (1588), «Писаніе до всѣхъ обще в Лядской земли живущихъ» (1596), «Писаніе к утекшим от православное вѣри епископамъ» (1597—1599), «Обличеніе діавола-миродержца» (1599—1600), «Краткословный отвѣтъ Петру Скарге» (1600—1601), «Посланіе к старицѣ Домникии» (1605) и др. Конечно, это были полемические произведения церковного характера, но они перерастали религиозные рамки: здесь высказывались мысли не только в защиту православия, но и в защиту украинского народа от польской шляхты вообще; эти произведения часто носили активный наступательный характер, они были направлены против угнетателей — князей светских и князей католической церкви. Это находило свое отражение в языке произведений: в них, как увидим ниже, использовалась лексика и фразеология далеко не религиозного характера. К этой литературе полностью может быть отнесено известное высказывание Ф. Энгельса: «...во время так называемых религиозных войн XVI столетия вопрос шел прежде всего о весьма положительных материальных классовых интересах... Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»⁴. Полемическая украинская литература XVI—XVII вв. сыграла огромную роль в идейной подготовке освободительной войны 1648—1654 гг.

2. Летописание, деловая письменность: Киевская (по месту обнаружения называемая также Львовской), Чернигов-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

ская, Острожская и другие, меньшие летописи, которые составились на периферии, а также так называемые «Гродские книги», грамоты, универсалы, юридические документы (купчие, завешания) и разные хроники. Язык этих документов исследован меньше всего, но именно они являются наиболее характерными памятниками книжного украинского литературного языка XVI—XVII вв.

3. Историческая повесть начала XVII в.: «Книга о побище Мамай, царя татарского».

4. Научная литература: «Зерцало богословия» Кирилла Транквилиона Ставровецкого (1618), содержащее, между прочим, сведения по космографии. С конца XVI и первой половины XVII в. известны грамматические сочинения, например: «Адельфотес» (1596), «Грамматика словенська» Лаврентия Зизания (1596), знаменитая «Грамматика словенскія правильное синтагма» Мелетия Смотрицкого (1619) и др. К началу XVII в. относится и выдающееся произведение этой эпохи — «Лексікон славеноросскій» Памвы Беринды (1627).

5. Художественная литература (поэзия и драма). К концу XVI и началу XVII в. относится возникновение украинского книжного стихосложения. Образцы поэтического языка этого времени мы видим в стихотворениях Герасима Смотрицкого, приложенных к Острожской библии, в стихотворении «Лямент о утрапеніу міщан острожских» (1636) неизвестного автора, в сборнике Кирилла Транквилиона Ставровецкого «Перло многоцѣнное» (1646), в стихотворениях Андрея Римши («Хронологія», 1581), в произведениях «Вѣзерунок цют... Елисея Плетенецкого» Александра Митуры (1618), «Имнологія си ест пѣсно-словіе» (1630), «Евфонія веселобрмячая» (1633) и в других панегирических стихотворениях, например, посвященных Петру Могиле; в стихотворении «На жалосный погреб зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска ... Запорозкого» Кассиана Саковича (1622) и др. Памятниками поэтического языка в драматическом жанре для этого времени являются диалоги Памвы Беринды, Кассиана Саковича, Кирилла Транквилиона, Иоаникия Волковича (1630) и других авторов. Большое значение для историка языка имеют интермедии, вставленные в польские драмы Якуба Гаватовича (1619). К этим произведениям относится найденное и опубликованное Иваном Франко «Слово о збуренню пекла» (очевидно, первая половина XVII в.). К этому же периоду относятся самые ранние известные нам записи украинской народной песни: 1) в чешской грамматике Яна Благодслава, умершего в 1571 г. (опубликована в 1857 г.), помещена украинская песня о Стефане воеводе; 2) в польской брошюре 1625 г. напечатана народная украинская песня о козаке и Кулине.

*

Таким образом, во второй половине XVI и первой половине XVII в. украинская литература уже имела серьезные достижения. Памятники письменности этого времени являются яркими показателями как общерусской духовной культуры, так и культуры украинского народа. В тяжелые столетия татарского и турецкого ига, польско-шляхетской оккупации культура, которую польская шляхта и Ватикан стремились уничтожить «огнем и мечом», смогла противопоставить католическо-иезуитской «культуре» свои высокие творения и выйти победителем в длительной борьбе.

Каковы же были основные черты украинского литературного языка конца XVI — первой половины XVII в. и какие ведущие тенденции развития складывались в нем в это время в ожидании тех общественных сил, которые смогли бы активизировать и ускорить совершенствование языка?

В XVII в. еще высоко держался авторитет церковнославянского, или «славянского», языка, который был признан образованным миром и известен не только на Украине, на котором были написаны многочисленные памятники старины — религиозные книги, полемическо-публицистические, научные, художественные и другие произведения. Этот язык был необходимым и проверенным орудием борьбы против католицизма и унии, «идеи» которых распространялись на латинском и польском языках. Как правильно отметил П. Житецкий, украинские деятели, писатели, вообще книжные люди того времени «...спешили организовать литературную речь на готовой почве книжных преданий, спешили найти в них объединяющий фокус, чтобы не растеряться в массе диалектических подробностей. Таким литературным фокусом был для них церковнославянский язык. Это была своего рода униформа для всех народных наречий, освобождавшая как писателя, так и читателей от непосредственного знакомства с этими наречиями, мало того — рассчитанная не на одну Русь, но и на других славян греческого исповедания»⁵. Защита и пропаганда славянорусского языка была формой борьбы против католицизма и его латинизированной схоластики.

Захария Копыстенский, возражая против пропаганды латинского языка, писал, что латинский язык неудовлетворителен и недостаточен; зато «...той славенский язык есть знаменит, которого Иафет и его поколѣнье уживало: широко и далеко ся ростягал, и славный был: для чего от славны славенским названный ест: заж бо всѣм не славный ест, гды от заходу Бѣлого моря и Венецких и Рымских ся тыкает границ, а от полудня з Грецією в сусѣдствѣ и в братерствѣ живет: на востод зѣсь солнца над Чорным морем до Персіи притагает, а у Ледовитого моря ся опирает»⁶. Однако церковнославянский язык XVII в. во многом отличался от языка памятников старой письменности, например Остромирова евангелия и т. п. Он вобрал в себя элементы лексики и фразеологии живого народного языка, а также многие слова польского и латинского языков, которые были распространены в школе и в литературе; не оставались без изменений также фонетика, морфология и синтаксис. Наличие элементов живого народного языка в церковнославянском языке XVI—XVII вв. было настолько значительным, что этот язык называли уже славянорусским или, в некоторых случаях, славяномалорусским. Кроме этого стихийного проникновения элементов народного языка, имели место все учащавшиеся попытки перевода текстов церковнославянских памятников на «простой» язык, который был в то время ближе всего к народному языку.

Попытки перевода (переработки) произведений славянорусской письменности на украинский («южнорусский», «малорусский») язык были еще в XV в. Сначала это были вольные переводы конфессиональных памятников, предназначенных для провозглашения: житий святых, легенд, поучительных и прадничных слов (например, в «Четье» 1489 г. и в «Измарагде» XV в.). С XVI в. эти переработки распространяются на «священное писание» и богослужебные книги.

Выдающимся явлением в этой области был перевод Пересопницкого евангелия (1556—1561) с «языка бльгарского на мову рускую», т. е. на «простой» украинский язык с заметными элементами языка белорусского⁷.

⁵ П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, стр. 3.

⁶ С. Голубев, История Киевской духовной академии, вып. 1, Киев, 1886, стр. 182. Здесь, как и в последующих старых текстах, допускаем упрощение в графической их передаче, опуская ъ в конце слов, а также ъ в случаях, когда он не обозначает смягчения конечного согласного.

⁷ См. П. Житецкий, Описание Пересопницкой рукописи XVI в., Киев, 1876.

К этому же типу памятников относятся так называемые «учительные евангелия», например, евангелие Почаевской лавры XVI в., а также евангелие Негалевого 1581 г. и другие, менее известные. Все эти памятники переведены так называемым «простым языком», т. е., по словам В. Перетца, «...тем своеобразным языком образованных украинцев и белорусов, который возник и сформировался на протяжении XVI в. и в конце его стал общепризнанным для выражения богословской и научной мысли и вообще понятий и дум культурных слоев южной и западной Руси»⁸. Для характеристики этих переводов-переработок приведем пример перевода синаксаря из «Триоди Постной», оскущенного в киево-печерской типографии в 1627 г.; переводчиком считается печерский типограф Тарас Земка, а «справщиком» — знаменитый лексикограф XVI в. Памва Беринда.

Московское издание «Триоди Постной», 1589 г., л. 158 об.

«Юліану преступнику по Коньстантіи великого Константина снѣ (л. 159) хоругви царствія удержавшу и от Христа ко идоложертву предложуся, гоненіе на христіяны воздвиге велико, явѣ же вкупѣ и не явленнѣ. Отрек убо алочестивый еже мучити суровѣ. вкупѣ же і объявлено безчеловѣчьнѣ тако искушати христіяны. стыдися убо и обзирая да не прилагаютя мнѡжайшии. сокровенне явѣ како осквернити их лъстивый неподобѣ умысли».

Перевод, сделанный в киево-печерской типографии, 1627 г., стр. 272.

«Гды Юліан преступник по Константіи, великого Константина снѣ скипетра царства одѣржал и от Христа до балвохвалства перешол и отступил преслѣдоване на христіяны барзо великое повстало и почѣлося явне, посполу и потаемне. Нехотячи тѣды незбожник оний мучити тяжко, так же теж и откупил досвѣтчати христіан веты даючися, к тому и обавляючися, жебѣ болей вѣрных не прибывало, потаемне ся зрадливыи и непобожный радил, яко бы их могли посквернити и опоганити»⁹.

Как видно, переводчик совершенно изменял синтаксическую структуру оригинала, вводя синтаксические конструкции живого разговорного языка, который был основой книжного украинского языка того времени. Например, тяжелая конструкция с дательным самостоятельным передается конструкцией с начальным придаточным предложением с союзом, с главным сказуемым и с ясно выделяемым главным предложением.

Интересны также лексические замены: *удержавшу — одѣржал; гонение ... воздвиге велико — преслѣдоване... великое повстало; явѣ же вкупѣ и не явленнѣ — и почѣлося явне, посполу и потаемне; отрек убо — нехотячи...* и т. п.

Переводчик, как видим, вводит и полонизмы (*барзо, гды, теды, балвохвалство* и т. п.), которые были свойственны украинскому литературному языку того времени так же, как и многие украинизмы — польскому языку¹⁰. Таким образом, в результате этого перевода-переработки перед нами возникает памятник церковного жанра, написанный на украинском литературном языке XVI—XVII вв.

Из многочисленных рукописных учительных евангелий обращает на себя внимание мало упоминаемое в литературе учительное евангелие Симеона Тимофеевича¹¹. Этот памятник дает яркое представление об общих

⁸ В. Н. Перетц, Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков, III («Сборник по русскому языку и словесности», т. I, вып. 3), Л., 1929, стр. 22.

⁹ Пример взят из указанной книги В. Н. Перетца, стр. 38—39.

¹⁰ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, стр. 43—44.

¹¹ Это евангелие имеет следующее название: «Наука христіанская 3 Евгліи аборѣтѣв злобная; в кождую недѣлю и празники Господскія и бжогявленія; на увѣсь аѣльый рок. Барзо прѣстою мѡвою и диялѣктом. иж и напрѣстѣйшому челѡвѣковѣ

тенденциях развития украинского литературного языка в конце XVI и в XVII в. Значительный интерес представляют теоретические позиции Симеона Тимофеевича, изложенные им в предисловии под названием: «Мова в книгу сію ласкавою чителнику». Доказывая необходимость говорить с церковной кафедры «простою барзо мовою», Симеон Тимофеевич подчеркивает, что «ширбкая а узловáтая мова рѣдкїй пожиток члку принѣсит, але прѣстая и короткая, а до тогѣ з вырозумѣньем одкрѣтая мова в прудком часѣ всѣ обширныя аргуméнта и завыхляныя мѣвы загѣртует, и двомá або тромá слѣвы короткими барзо много слѣв мѣжет в собѣ замкнути...» (2-й лист рукописи).

Исследователи полагают, что Симеон Тимофеевич был воспитанником Киево-могилянской коллегии, т. е. человеком высокообразованным. Приведенное высказывание его дает основание утверждать, что он был представителем той группы демократически настроенных образованных людей своего времени, которые понимали, что славянорусский язык с его традициями сложного и тяжелого для понимания выражения, с его «многослогозанием» нуждался в обновлении не только в области лексики, но и в области синтаксического строя и образно-выразительных средств. В меру своих возможностей эти люди и работали над усовершенствованием литературного языка. Движение это было настолько популярным, что появились голоса, предостерегающие против упрощения славянорусского языка, призывающие сохранять его традиционный характер. Так, даже Иван Вишенский требовал: «Евангелія и апостола в церкви на литургии простым языком не выворочайте; по литургии же, для вырозумѣнья людского, попросту толкуйте и выкладайте»¹².

Однако, как известно, в своей собственной языковой практике Иван Вишенский прибегал к выразительным средствам лексики и фразеологии «простого языка» не только для «вырозумѣнья людского», но и в посланиях, в полемических произведениях, направленных против «князей» католической и униатской церкви, полемика с которыми требовала совершенного знания литературного славянорусского языка, а также языка польского, латинского, греческого. В языке Ивана Вишенского переплетались черты стилей публицистического, богословско-аскетического, поэтического, просторечного и книжного. Стремительная, динамическая его речь была насыщена риторическими вопросами и восклицаниями, эмоциональными повторами, конкретизированными и метафорическими обращениями, фигурами антитез-сопоставлений. Примером концентрации такого типа языковых средств может служить «Послание к епископам» (униатам). Обращения к епископам-перебежчикам носят характер то саркастической метафоры («о згуду вяжучи»), то конкретного обличения («лживыи бискупи»); они влетают в ряды риторически вопросительных и восклицательных.

свѣдно повѣтая ...Зложылося... многогрѣшным и велице недостоѣйным слугѣю слуг христовых Семіѣом Тимофѣевичем: сщеником на тот час Решетилѣвским трактору Полтавского... року 1670». Евангелие Симеона Тимофеевича представляет собой большую рукопись, написанную частично полууставом, а в основном — скорописью второй половины XVII в.; оно хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки АН УССР в Киеве. См. о нем Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков, Киев, 1911, стр. 30—32. В работе «О переводах Евангелия на малорусский язык» («Известия Отд. рус. языка и словесности Имп. акад. наук», т. X, кн. IV, СПб., 1905, стр. 1—65) П. Житецкий приводит сравнение текстов перевода «Притчи о блудном сыне» в Пересопницком евангелии (1556—1561), в учительном евангелии XVI в. (по рукописи Почаевской лавры), в учительных евангелиях 1604, 1637 гг. и, наконец, в учительном евангелии Симеона Тимофеевича 1670 г., в котором наиболее выразительно обнаруживается переработка.

¹² Иоанн Вишенский, Послание ко князю Василію Острожскому..., «Акты, относящиеся к истории южной и западной России», т. II, СПб., 1865, стр. 210.

цательных предложений, усиливая анафорические зачины фраз и целых периодов¹³.

Для языка Ивана Вишенского характерно употребление широких антигез-параллелизмов, которые дают ему возможность построить в одном предложении резкое противопоставление.

Лексико-фразеологические средства языка Ивана Вишенского выходили за пределы славянорусского языка, расширяясь за счет украинской устно-разговорной, просторечной лексики, особенно эмоциональной, но частично и терминологической; яркий пласт в лексике писателя представляют его неологизмы — глагольные образования от имен существительных и необычные сложные слова. Приведем несколько примеров: «брата своего ...хлопаєте, кожемякаєте, сѣделникаєте...»; «...чирвонных золотых в руку *тыць*..., овому *тыць* и сему *тыць*, а писаредрачѣ юж не бракують, и потройники з грошами берутъ и деруть»; из разговорной лексики: *потилиця, чобот, черевичице, горілка, барило, сіромаха* и т. п.; примеры сложных слов: *скачомудрець; грошовладатель; богочревиці; писародрач; крово-, мясо-, воло-, ското-, звѣро-, свино-, сластно-, масло-, пирогонд; перино-, мяко-, подушкоспал; кровопрагнитель; перцо-, шафрано-, имберолобець* и многие другие.

Язык Ивана Вишенского, безусловно, сыграл значительную роль в сближении традиционного славянорусского языка с языком народным, а языковые элементы его сатиры обогатили лексико-фразеологический фонд украинского языка.

Менее эмоциональна, но шире по объему лексика и фразеология другого известного полемического произведения — «Палинодія» Захарии Копыстенского (1621). Богатая и разнообразная топонимическая, ономастическая, научная лексика свидетельствует не только о богословской, но и об исторической, юридической, философской образованности автора. В предисловии к «Палинодія» Захария Копыстенский помещает «Каталог книг учителей, которых ся до тоєй книги уживано»; этот каталог-библиография, размещенный в порядке алфавита, содержит в себе свыше 100 названий. Стиль произведения — повествовательно-дидактический, ровный, но местами переходит в патетические или в сатирические тона, особенно там, где автор обличает притеснение и угнетение «росского» народа светскими и духовными шляхетскими вельможами. События украинской истории он связывает с событиями в жизни России, подчеркивая этим идею единства восточнославянских народов.

Язык Захарии Копыстенского показывает не только его высокую эрудицию, но и то, что он не чуждался народной пословицы, сравнения:

«А што ся римляне хвалят наукою тогосвѣтною — чужим перьем хваляться“, „в чужом плацу напинаются!“ Грекии то суть мудрости — Платонова и Аристотелева и иных философов грецких мудрость, отчасти им удѣлена!..»

Говоря о заимствованиях из западных наук, Копыстенский четко определяет характер и цель этих заимствований: «... отбираемо з ростропностью, еднак смѣте отмѣтуемо, а зерно беремо, уголе зоставуемо, а золото виймуемо...»¹⁴.

Стилистические средства его повествования разнообразны; от языка ученого трактата он переходит к своеобразному просторечию:

¹³ См. «Хрестоматія давньої української літератури», 2-е вид., упорядк. О. І. Білецький, Киев, «Рад. школа», 1952, стр. 117—121.

¹⁴ Захария Копыстенский, Палинодія [1621 г.], «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. 1 («Русская историческая библиотека, изд. Археограф. комиссия», т. IV), Пб., 1878, стр. 900—901.

«Але ово, як на лихо, от кого было замыкати, тому ключи вручили! Отец патриарх, як чоловік ширый, лисови тому хитрому лацно увѣрил... Той жарт взяв Терлецкого за серце... як бы ся з того жарту был вывертѣл»¹⁵.

Интересен прием введения в авторское повествование диалогизированной новеллы, например: «Розмовы Стефана короля з князем Острогским, воеводою Киевским» и др.

Среди фразеологических средств богословского и научно-публицистического трактата нередко встречаются народные украинские фразеологизмы: «Не все те перун, що з Риму гримить; Чужим пір'ям хваляться; У живого мужа жінки намісник не буває; Але то очам їх сіль; Так щастить йому, як голому в кропиві» и т. п.

В богословском трактате Кирилла Транквилиона Ставровецкого «Зерцало богословия» (изд. 1618, 1692 гг.) есть места, в которых излагаются взгляды автора на окружающий его материальный мир; изложение это ведется научным языком XVI—XVII вв. Например:

[Об элементах]—«Подобает же вѣдати о елементѣх, яко не суть равны: едины бо вѣм легкого и сущельного естества, яко огонь и воздух; други же тяжшего и грубшего, яко вода и земля... [О водах]—Раздѣляют же ся воды моря окіяньского на одни и езера, и на малы моря, на рѣки и на жрудла, которіи от камени и от землѣ исходят. А иж вода морская слана ест и горка, повѣдають нѣкоторіи философи: длі того ест такова, поневаж много стоит на одном мѣстѣ непоступна и недвижима...»¹⁶

Заметьно, что в языке этого произведения нет выразительной тенденции сближения с языком народным. Наоборот, как видим, автор употребляет даже не старорусские формы, а старославянские, например *езеро* и другие. В предисловии к своему трактату Ставровецкий объясняет, почему он употребляет церковнославянскую лексику: «Вѣдай и то, ласкавий чителнику, для чого покладалося в той книзѣ простой язык и словенскій, а не все попросту. Та причина ест: по словенскій ся клали слова богословцов и доводы писма святаго. А другое, иж слова нѣкоторіи словенського языку трудны на простой язык также нелацно понятыи, яко то „качество“, або „якости“ попросту»¹⁷.

Тенденция к сохранению славянорусской основы книжной речи и расширению ее возможностей за счет так называемого «простого» языка характерна в XVI—XVII вв. и для художественной литературы — стихотворений и драматических диалогов: чем «жизненнее», конкретнее была тема такого произведения, тем больше в нем было элементов устно-разговорной лексики и фразеологии; однако они проникали и в произведения с отвлеченной, абстрактной тематикой.

Можно сказать, что язык стихотворной и драматической литературы этого времени представляет собой синтез элементов славянорусского и книжного украинского языка; именно в этих жанрах быстрее всего вырабатывались тенденции к широкому употреблению «простого» языка, отчетливо оформившиеся в языке произведений Я. Гаватовича, И. Некрашевича, М. Довгалевского.

Язык художественных произведений украинской литературы XVI—XVII вв. представляет собой стилистически пеструю картину. Например, язык «Ляменту о утрапеню мещан острожких...» не может быть отнесен

¹⁵ Захария Копыстенский, указ. соч., стр. 1060—1061.

¹⁶ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 145.

¹⁷ Там же, стр. 145—146.

ни к собственно славянорусскому, ни к книжному украинскому: он соединяет черты обоих и широко пользуется народной лексикой.

Характеризуя язык Ивана Вишенского, Иван Франко писал, что этот язык представляет собой «безмерно интересный образ... того хаотического состояния, в котором находился наш язык в начале своей литературной карьеры, освобождаясь из объятий церковщины»¹⁸. Это высказывание требует комментариев. Следует подчеркнуть, что, «освобождаясь из объятий» славянорусского языка, украинский книжный литературный язык не находился в антагонистических противоречиях с ним. Нельзя недооценивать значения славянорусского языка в формировании украинского литературного языка XVI—XVII вв. Собственно говоря, славянорусский язык был частью украинского литературного языка той эпохи, а определенная упорядоченность славянорусского языка, наличие «словенских» грамматик служили основой и для книжного украинского литературного языка.

Известно, что в лексике и в синтаксисе книжного украинского литературного языка того времени были и элементы польского языка. Распространению их, ассимиляторским стремлениям польской шляхты твердо противостоял живой язык украинского народа; в этом противоборстве большую помощь украинскому языку оказывал славянорусский язык. Значение славянорусского языка состояло также и в том, что он был понятен всем восточным славянам — русским, украинцам, белорусам. О знаменитой грамматике Мелетия Смотрицкого (1619) Житецкий писал: «...помимо сознания самого Смотрицкого, церковнославянский язык, представленный в его грамматике, сближен был с общими свойствами русских наречий. Писатели малорусские, старавшиеся усвоить этот язык, охотно брали из богослужебных книг церковнославянские буквы, не соответствовавшие русским звукам, не менее охотно брали церковнославянские формы, чуждые русским наречиям, но не отказывались и от некоторых особенностей живой речи, если только она совпадала с книжной речью, хотя бы эти особенности составляли исключительную принадлежность того или другого русского наречия»¹⁹.

Как известно, грамматика Мелетия Смотрицкого сыграла большую роль в развитии грамматической науки всех восточных славян. Она вышла из школьного употребления только после появления «Российской грамматики» М. В. Ломоносова и до сих пор остается выдающимся памятником филологической науки. Грамматика Смотрицкого была, конечно, известна всем украинским писателям XVII в., представителям и конфессиональных, и светских стилей литературного языка. «После появления грамматики Мелетия Смотрицкого, — отмечает П. Житецкий, — сделалось возможным прочное взаимодействие между речью книжною — славянорусскою и народною. Плодом этого взаимодействия была книжная малорусская речь, которая должна была удовлетворять как людей более книжных своею грамматическою правильностью, так и людей менее книжных своею общедоступностью»²⁰.

Книжный украинский язык, обслуживая разнообразные потребности в областях государственно-деловой, юридической, научной и других, на много шире и свободнее, чем славянорусский, вбирал в себя черты словаря и грамматики живого языка украинского народа. Будучи исторически связан с деловыми стилями старорусского литературного языка периода Киевской Руси, подвергаясь влиянию славянорусского языка и приобретая, в условиях формирования украинской народности,

¹⁸ И. Франко, Иван Вишенский і його твори, Львів, 1895, стр. 498.

¹⁹ П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, стр. 26—27.

²⁰ Там же, стр. 40.

новые черты, отчетливо отражавшие явления живого языка украинского народа, так называемый книжный украинский язык XVI — XVII вв. нашел широкое применение в украинской летописной, исторической литературе, разного рода деловых документах (грамоты, универсалы и т. п.), а также в хрониках, переписке, дневниках. Язык этой многообразной литературы изучен еще недостаточно, хотя он и представляет собой исключительно ценный материал для историка украинского литературного языка как в отношении своего лексического состава, фразеологического фонда, так и в отношении построения фразы.

Если в произведениях Ивана Вишенского, Захарии Копыстенского и в других полемических сочинениях наблюдаются лишь элементы народной лексики, фразеологии, синтаксических конструкций разговорного украинского языка, то о языке произведений летописной, исторической литературы, деловых документов можно говорить уже как о прилежающем к источникам устного народного языка. Об этом приближении свидетельствует, например, любая страница Киевской (Львовской) летописи начала XVII в. Эта летопись была написана, как считают историки, Михаилом Гунашевским, который некоторое время жил в Межигорском монастыре под Киевом, был свидетелем восстания украинского народа против поляков в 1630 г., затем служил в канцелярии Богдана Хмельницкого.

Приведем отрывки из записи под годом 1630:

«Гетман Конецполскій ходил за Дибір козаков зносити. Людей много стратил и сам ледве ся вынѣс; але предди гарматы им зоставил и познал що козаки!

...Пришедши в вечер на мѣстечко, на монастир хтели вдарити, и ударили были; леч козаки не подалѣку были, а до того оуслышали звонів великих квалт, вернулись тыѣ, опановали монастир и нѣмцов одразили. На завтре знову. Нѣмци штурмовали до монастира, кулѣ с кобыл на церков падали: гдѣ шѣ за страх был, хто выловѣсть!

На третій дѣнь, тыѣж нѣмци Іерданскіи под Кіевским монастирем пошарпали, и до Межигорского монастиря хтели штурмовати, леч ся чернци постерегли и забѣжали тому. Щѣж розумѣете, в яком мы страху были? Же юж в козацким монастиру, на который вшитки зубами скреготали...»²¹

Как видим, в языке летописи есть элементы польской лексики (*вшитки, юж, союзы же, жеби* и др.), но основу его составляет разговорный украинский язык. Почти каждая фраза летописи содержит конструкции, характерные для устной украинской речи: восклицательные предложения, словосочетания фразеологического характера, устно-разговорные эллиптические конструкции и др. Значительная часть предложений свободна от польско-латинской конструкции с вынесением глагола-сказуемого в конец предложения.

Сходной по стилю, словарю и грамматическим чертам является другая Киевская летопись (первая четверть XVII в.), связанная с именем Божка (Богдана) Балыки²²; она написана образным, ярким языком.

Близок к языку этих летописей (хотя и обладает меньшим количеством устно-разговорных черт) язык исторической повести «Сказание о Мамае-

²¹ «Львовская русская летопись», в кн. «Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей российских», ред. проф. Погодин, т. III, кн. 3, М., 1839, стр. 239, 244—245.

²² Киевская летопись, в кн. «Сборник летописей, относящихся к истории южной и западной Руси...», Киев, 1888, стр. 71—92.

вом побоище», представляющей собой образец перевода-переработки украинским писателем начала XVII в. известного произведения братской русской литературы; целью этого перевода было рассказать об освободительной борьбе русских против захватчиков-татар, имевшей большое значение и для украинского народа. Язык перевода-переработки свидетельствует о широком использовании украинского книжного языка в историческом жанре,

«Глава 9... В праздник Рождества пресвятой Бѣы, третей години на день справившися, почали обои войска трубити на войну. Рускии трубы гримѣли, а татарскии як онемѣли²³. Еще не вышлись з собою, бо мѣгла была. А великий кнѣзь Димитрий, ѣздячи на своем выборном конѣ, укреплял свое войско и мовил з слезами: Не страшѣтеся за свѣтые церкви и за вѣру хрѣстианскую и за отчизну милую, голов своих класти не шадѣте.— Так укрьпивши, подѣхал под свою чорную корогов и, зсѣбвши з своего коня, зложил з себе царскую одежду, възсѣл на иного коня и в иншую одежду одѣваясь²⁴.

С. К. Шамбинаго считает, что эта «западнорусская» переработка-перевод отвечает третьей редакции «Сказания о Мамаевом побоище»²⁵. Сравнение языка переработки с языком третьей редакции «Сказания» даст нам представление об отличиях книжного русского и украинского языков в историческом жанре начала XVII в. Приведем соответствующий отрывок из третьей редакции:

«Наставшу ж второму часу дни, и почаша гѣси трубнии обоих плѣков снѣматися, татарскыя ж трубы яко онемѣша, а рускиа трубы паче утврѣдишаѣ. Плѣкы ж еще не видятся, занеж оутро мгляно...

Великому ж кнѣзю пресѣдаюшу на избранный конь, ѣздя по плѣком и глѣше от великыа горести ѣрдца своего, слезы, аки рѣка течаше от очию его: Оци и братіа моа, Гѣ ради подвизайтеся и стѣх ради црквей и вѣры ради хрѣтианскыа, сіа бо смерть нам нѣв нѣ смѣртъ, нѣ живот вѣчный, и ничто ж. братіе, земнаго помышляйте, но оуклонимся убо, да вѣици побѣдными оувяземся от Ха Бѣа и Сѣса дшам нашим.— Оутврѣдъ ж плѣкы и паки приде под свое знамя черное и сѣде с коня и на ин конь всяде и сѣвлече с себя приволоку црѣскую и в ину облечеса²⁶.

Сравнение показывает, что русский текст сохраняет больше церковнославянских форм как в лексике (*слезы, аки рѣка течаше от очию его; смерть нам ныне нѣсть смерть, но живот вѣчный* и др.), так и в грамматическом строе (ср. обороты с дательным самостоятельным, которыми начинаются оба абзаца и др.); украинский текст обнаруживает тенденцию к замене церковнославянизмов элементами живого языка.

Таким образом, язык летописей, исторических повестей, деловых документов XVII в. отражает приближение письменного языка к народно-разговорному. Но это было только приближение. Хотя грамматическая

²³ Вариант *онѣмили*.

²⁴ «Книга о побоищи Мамаеа, даря татарского, от князя Владимирского и Московского Димитрия» — см.: С. Ш а м б и н а г о, Повести о Мамаевом побоище («Сборник Отдѣния рус. языка и словесности Имп. акад. наук», т. LXXXI, № 7), СПб., 1906, стр. 183—184 второй пагинации; «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 94.

²⁵ См. С. Ш а м б и н а г о, Повести о Мамаевом побоище, стр. 365 первой пагинации.

²⁶ Там же, стр. 62—63.

система и словарный состав этого языка, в основе своей восточнославянские, старорусские, и были близки к народному украинскому языку, хотя под влиянием разговорной речи в книжном языке постоянно происходили процессы преобразования, все же нельзя сказать, что широкой основой украинского литературного языка XVI — первой половины XVII в. во всех его жанрах был разговорный язык украинского народа.

Живой разговорный язык украинского народа в XVI—XVII вв., как и в XIV—XV вв., нашел в письменном языке лишь частичное свое отражение. Зато богатство его лексики и фразеологии, образные средства выражения ярко отразились в высоких образцах народного творчества, в эпосе — в исторических думах, стихотворениях и поэмах, в лирических песнях, социально-бытовых диалогах, пословицах, поговорках и т. п. К сожалению, до нас дошло очень мало ранних записей произведений народного творчества; имеющееся небольшое количество этих записей относится уже к концу XVI — началу XVII в. Но и это немногое может дать представление о высокой поэтичности выразительных средств языка украинского народа, о его лексике, фразеологии, грамматическом строе, т. е. о том народном языке, который пережил столетия и, непрерывно совершенствуясь и обогащаясь, сложился в новых условиях в язык украинской нации.

Образцами народного языка в его поэтически-песенном жанре могут служить народные песни. Вот отрывок из песни «Стефан воевода» (конец XVI в.):

Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?
[Ой як же Дунаю смутному не теци,
Що дно його точуть студені кришині,
А по середині та рибоньки мутьяї],
На версі Дунаю три роти ту стою...

Ср. также «Пісню про козака і Кулину» (начало XVI в.)²⁷.

Отражение живого народного языка этой эпохи наблюдаем также в интермедиях Я. Гаватовича, поставленных в Каменке-Струмиловой в 1619 г. Конечно, изучая язык этих интермедий, нужно помнить, что языковые средства отбирались здесь для создания комического эффекта; с этой целью автором могли быть использованы формы, для того времени уже архаические, провинциальные; вводились также польско-украинские макаронизмы, характерные для книжного языка, но не свойственные устной народной речи. Однако следует признать правильным вывод исследователя языка этих интермедий, что «хотя, не зафиксированный научно, язык интермедий и не дает точной картины всего богатства звуков и форм живого народного языка и может обнаруживать иногда даже ошибочные формы, он, нужно полагать, является документальной иллюстрацией надднепрятянского говора начала XVII ст.»²⁸.

К началу XVII в. относится и выдающийся памятник восточнославянской лексикографии — «Лексікон славенороскій, имен толькование...» Памвы Беринды (первое издание — 1627 г., второе — 1653 г.). Словник «Лексікона» составляют преимущественно церковнославянские и общерусские слова; в объяснительной части — слова преимущественно украинские, обилье с русским языком, а также польские, но есть и греческие, латинские, немецкие; приводятся также в некоторых случаях параллели из сербского, чешского и других славянских языков. Украинские

²⁷ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 149—150.

²⁸ Л. Л. Гумецька, Нариси з історії української мови, «Мовознавство» («Наукові записки» Ін-ту мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР), т. X, Киев, 1952, стр. 111.

слова обозначаются терминами «росскій» и «русскій», один раз, при определении слова *пъвень*, употребляется термин «волынскій».

Наличие большого количества украинских, или, как их тогда называли, «простых» слов, в словаре Памвы Беринды свидетельствует об определенных установившихся традициях их использования в литературном языке. Словарь П. Беринды как бы подводит итог долголетней практике употребления в литературном языке разных категорий лексики — церковнославянской, общерусской, книжной украинской, а также слов белорусских и польских; состав словаря — свидетельство длительного взаимодействия и сложных взаимосвязей разговорного народного и письменного языка.

В «Лексіконе» Памвы Беринды отражены также фонетические и морфологические явления, в большей или меньшей степени свойственные письменным памятникам украинского литературного языка эпохи и свидетельствующие о влиянии живого народного языка на язык письменный. Например, в фонетике: смешение *ы* и *и* (*крык, давных, кривый, жолтяниця, крила, рибъ, язичок, гризуся*); новое *ъ* в именах существительных с суффиксом *-ень* (*колынъ, камынъ, зряжынъ, взложынъ*), с суффиксами *-ен, -ел* (*камънь, плотънь, коростъль, приятъль*); смешение *ъ* и *и*: *ъ* вместо *и* (*видънь* — *видыше; грубъям, свъцу*), *и* вместо *ъ*, хотя *и* не часто (*пострикатель, свидительством, разсмотривши, посмотривши*); переход *о* в *у* (*ю*) в закрытом слоге (*покуль, кувната, намот*); переход *е* в *у* (*ю*) (*юй, чужоземцюв, отсюль, в нюй*); переход удлиненного *о* в *и*, отмечаемый редко (*оубир, кистка, биб*); смешение *у* и *в* (*врядом, оучинкаx*); употребление *дж* (из ст.-слав. *dj*) (*рджу, шкобжу, доводжу*); употребление *ждж* (из ст.-слав. *zđj, zđj* и *zđ*) (*дрождждь, наждждаю*); иногда употребление *х* вместо *к* (*хто, нъхто, перехретье*); переход *л* в *в* в конце слога перед согласным (*вовна, довготерпячий, шовку, довбаю*). В морфологии: в основах на *о* мужского рода в родительном падеже единственного числа чередуются окончания *а* и *у*; в дательном падеже — *-у, -ови, -еви* и т. д.; в глагольных формах — в первом лице множественного числа настоящего времени чаще всего *-мо* (*мовимо, чинимо*), во втором лице *-те*; причастия настоящего времени на *-чий* (*будучий, чинячий*), изредка на *-ций*; деепричастия настоящего времени на *-чи* (*даруючи, мовячи, чинячи*), изредка на *-а* (*терпя, видя, баца*)²⁹.

Такова в общих чертах характеристика состояния украинского литературного языка в XVI — первой половине XVII в. Хотя этот язык и был пестрым, хотя в его развитии были глубокие противоречия, однако он в свою эпоху выполнял важную социальную функцию: он был орудием борьбы против агрессивных намерений польской шляхты и Ватикана, стремившихся уничтожить украинскую культуру и язык. Имея выдающиеся образцы полемической, летописной, исторической, художественной литературы, деловых документов, этот язык жил и находил отклик и поддержку не только у украинского народа, но и у всего восточного славянства. Нужно решительно отвергнуть старое и неверное мнение, будто бы в конце XVI в. «употребление „русского“ языка в литературных делах стало признаком плохого тона и старый „русский“ язык скоро ушел в забвение»³⁰, уступая место польскому языку.

Наличие значительной и богатой жанрами литературы на «русском» языке в XVI—XVII вв. опровергает это утверждение. Тот факт, что в

²⁹ Подробное описание см. в статье: З. М. Веселовська, Мова «Лексікону» Памви Беринди («Записки історично-філологічного відділу АН УРСР», кн. XIII—XIV, Київ, 1927, стр. 311—339). Заметим, что, на наш взгляд, характеристика формирования украинского литературного языка XVI—XVII вв. в этой статье основывается на ошибочных методологических установках.

³⁰ «Мова І. Вишньського», «Рад. школа», Київ, 1948, стр. 4.

полемиической борьбе украинские деятели и писатели пользовались и польским языком, а также то, что на польский язык перешли перебежчики — некоторая часть украинской духовной и светской шляхты, не может преуменьшить роли и значения украинского литературного языка в эту эпоху. Не эти факты определили собою дальнейшие пути развития украинского литературного языка XVI—XVIII вв. Пути эти были определены глубокими историческими процессами формирования украинской нации.

Огромное значение для развития украинского языка имело историческое событие в жизни украинского народа — его воссоединение с великим русским народом в 1654 г.

II

Освободительная война украинского народа против польской шляхты и воссоединение его с великим русским народом в едином и могучем Российском государстве принесли украинскому народу спасение и открыли перед ним новые пути развития в неразрывном единении с братским русским народом и при его всесторонней поддержке. Историческое значение воссоединения «...для судеб украинского народа заключалось прежде всего в том, что, соединившись с Россией в рамках единого Российского государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией.

Актом воссоединения украинский народ закрепил исторически сложившуюся тесную и неразрывную связь с русским народом, в лице которого он обрел великого союзника, верного друга и защитника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение»³¹. В. Г. Белинский, оценивая в свое время значение этого события, писал: «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россиею ей предстоит теперь великая будущность...»³²

Воссоединение Украины с Россией имело огромное историческое значение и для развития украинского литературного языка. Польско-шляхетское государство, угнетавшее украинский народ на протяжении нескольких столетий, разрушало культуру украинского народа, уничтожало его школы, стремилось ассимилировать украинский язык. Иезуитской схоластикой, латинской мертвой догмой, сковывавшей творческие возможности развития самого польского литературного языка, порабитители старались разрушить украинский литературный язык; они причинили ему много вреда, засорив польской лексикой, чуждыми фразеологическими и синтаксическими оборотами.

Конечно, речь здесь идет не о языковых заимствованиях из польского языка в украинский или из украинского в польский, совершавшихся естественным путем, т. е. вследствие общения соседних славянских народов. Украинские заимствования в польском языке, как и польские в украинском, нашли свое отражение в литературах обоих народов. В. Н. Перетц замечает, что «поляки XVII века охотно заносили в свои записные книжки, сборники выписок и заметок также и произведения малорусского творчества», что «образованные поляки XVII ст. не чуждались малорусской литературы».³³

³¹ «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)», «Правда» 12 I 54.

³² В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 519.

³³ «Малорусские вирши в польских рукописных сборниках XVII—XVIII вв.», в кн. В. Н. Перетца «Историко-литературные исследования и материалы», т. I, СПб., 1900, стр. 93.

Воссоединение Украины с Россией положило конец агрессивным стремлениям польской шляхты ассимилировать украинский язык, создало условия для очищения украинского литературного языка от латинопольских конструкций и обеспечило ему возможности развития в братской семье восточнославянских языков под влиянием растущей русской прогрессивной культуры и науки.

В освободительной борьбе против польской шляхты в 1648—1654 и последующие годы принимали активное участие культурные силы украинского народа. Особо нужно отметить участие в освободительной войне воспитанников Киево-могилянской коллегии, которая была в XVI—XVII вв. важным центром просвещения и науки. Преобразованная в 1631 г. Петром Могилой из Киево-братской школы³⁴ в заведение высшего ранга, Киево-могилянская коллегия на протяжении десятилетий принимала активное участие в борьбе против унии и католицизма. Петр Могила заботился о том, чтобы организация обучения в коллегии была на уровне европейской, в частности польской науки, чтобы воспитанники коллегии были в состоянии противостоять выученикам польских католических академий. В стенах коллегии работали и учились видные деятели эпохи: еще в период Киево-братской школы тут учился Богдан Хмельницкий; учились в коллегии Захария Копыстенский, Елисей Плетенецкий, Кирилл Транквилион Ставровецкий, Антоний Радивиловский и др.; преподавателями были Мелетий Смотрицкий, написавший тут свою грамматику, Иов Борецкий; выдающимися воспитанниками, а затем учителями коллегии были Иннокентий Гизель, Иоаникий Галатовский, Епифаний Славинецкий, Лазарь Баранович и другие. Обучение в коллегии велось на латинском, славяно-русском и польском языках. В коллегии было хорошо поставлено преподавание философии, богословия, риторики, пиитики; изучались латинский, славянский, греческий, польский языки (впоследствии Петр Могила отменил преподавание польского языка).

Киево-могилянская коллегия подвергалась жестоким преследованиям со стороны польской шляхты и католическо-иезуитских школ, которых в Киеве было немало; несколько раз коллегия совсем разрушалась польскими чиновниками и польским войском, но вновь и вновь поднималась и продолжала борьбу. С началом освободительной войны воспитанники коллегии устремились в войско Богдана Хмельницкого: «...сознание своих обязанностей к отечеству, невыразимые бедствия его, предсмертное слово Могилы, полные энергии, ума и воли универсалы Хмельницкого, наконец, возможность приобрести почетное название бравого козака — все это вместе влекло молодежь из мирной обители просвещения на поле брани, где решался великий вопрос: быть или не быть Малороссии»³⁵.

Киево-могилянская коллегия доказала свою верность союзу с братским русским народом и в то критическое время, когда изменник и предатель Выговский, нарушив присягу русскому государству, заключил с польской шляхтой так называемые «гадяцкие статьи» (1658). Зная большое влияние Киево-могилянской коллегии, ее авторитет на Украине и в России, желая привлечь ее на свою сторону подкупом, польская шляхта внесла в эти статьи пункт, которым коллегии предлагался статут академии наравне с краковской. Коллегия не приняла этой «милости»³⁶. Получив права и статут академии от Российской державы в 1701 г. (грамота Петра I), Киево-могилянская коллегия (Киевская академия) начала

³⁴ Основана по одним данным в 1589 г., по другим — в 1615 г. См. С. Голубев, указ. соч., стр. 7.

³⁵ В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею, ч. I, Киев, 1856, стр. 177.

³⁶ См. там же, стр. 185—186.

энергично перестраивать свою работу, укрепляя свои традиционные связи с русской наукой и просвещением.

Дальнейшие пути развития украинского литературного языка определились участием в социальных событиях широких масс народа, пробуждением их к активной общественной жизни. Нужно было новое слово, способное отразить в литературе насущные потребности и стремления народа. Конечно, эти изменения в литературном языке произошли не сразу. В определенных жанрах (историко-мемуарная и ораторская публицистически-богословская проза, историческая «высокая» драма и некоторые другие) старый книжный литературный язык прочно удерживался и во второй половине XVII в. и в XVIII в., хотя и эти жанры преобразовывались и обновлялись под влиянием живого устного языка и образцов поэтического народного творчества. Этому процессу благоприятствовало общее приближение науки к жизни, все возрастающая роль в литературе и науке светских элементов.

Освободительная война 1648—1654 гг., воссоединение украинского народа с русским народом и дальнейшая совместная их борьба за судьбу Украины вызвали большой подъем народного поэтического творчества. Выдающиеся события того времени, подвиги героев воспевались в исторических думах и песнях, в разных преданиях и легендах. Язык дум и песен свидетельствует о его народно-поэтической основе. Примером может служить стихотворение о Желтоводской битве:

Виспався Хміль із міха
І вярбив ляхам ліха,
Показав ім розуму,
Вивернув дідчу думу...³⁷

Ср. также язык стихотворения о пленении Потоцких под Желтыми Водами и Корсунем ³⁸.

Иногда язык стихотворения свидетельствует о книжной выучке его автора. Ср., например, «Плач российский»:

О боже мой милостивій!
взри на плач мой ревнивій.
Где бѣдница есть такая,
яз я Россія Малая?
Всѣ маткою называютъ,
а не всѣ за матку мають:
Другій хоше загубити,
в ложцѣ води утопити.
Бо чи треба горшой муки,
як подати ляхом в руки?³⁹

Во время войны и после воссоединения особенно возросло значение деловых стилей украинского литературного языка. Универсалы, письма, грамоты и другие документы полковников, сотников, представителей гетманской администрации, получавшие самое широкое распространение, в большинстве своем были рассчитаны на широкие массы. Поэтому, несмотря на наличие здесь обязательных канцелярских фразовых и лексических штампов, в этих документах, как и в летописях того времени, отмечается сильная струя народного разговорного языка. Таков язык писем Богдана Хмельницкого и документов государственно-дипломатического характера. Вот, например, отрывок из письма к царю Алексею Михайловичу от 8 июня 1648 г.

³⁷ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 200.

³⁸ См. там же, стр. 200—201.

³⁹ Там же, стр. 202—203.

«...радостью пришло нам твою царскую велможность вѣдомым учинити о повоженю въри наше старожитной греческой, за которую з давних часов и за волности свои, криваве заслужоние, от королей давних надание, помираем и до тех час от безбожных ариянь покою не маем... Которую яму под нами были выкопали, сами в ню ся обвалили, же двѣ войска з великими таборами их помог нам Господь Бог опановати и грох гетьманов живдем взяти... Зычили быхмо собѣ самодержця господаря такого в своей земли, яко ваша царская велможность православный хрестиянский цар...»⁴⁰

Несмотря на наличие полонизмов и книжных конструкций, язык этого письма отражает народный украинский язык как в лексике, так и в фразеологии.

В письмах Богдана Хмельницкого к полковникам за традиционным — как в универсалах — началом следует текст в непринужденном стиле частного письма, с более свободным, чем в других документах, словопорядком и словоупотреблением, с эмоционально окрашенной лексикой. Характерна общая тенденция универсалов Богдана Хмельницкого к освобождению от полонизмов.

Естественно, что языковые нормы канцелярии Богдана Хмельницкого принимались в полковых и других канцеляриях. Подтверждением этому являются любые полковые документы, например, универсал киевского полковника Василия Дворецкого от 12 мая 1660 г.⁴¹, универсал черниговского полковника Якова Лизогуба⁴², оба касающиеся вопросов общественного благоустройства в послевоенный период. Характерным признаком языка этих документов является «унизывание» ряда предложений в порядке сочинения и подчинения; однако это не ведет к нарушению логического развертывания мысли и к затемнению содержания предложения. Л. А. Булаховский, исследовавший синтаксис украинского литературного языка XVI—XVII вв., заметил, что «при всей чрезвычайной развернутости украинской письменной фразы XVI—XVIII столетий, при сложности, так сказать, „многоэтажности“ ее, останавливает на себе внимание то, что даже продукты канцелярий тех времен — сугубо деловые документы — обнаруживают высокое совершенство своего синтаксического построения, если, разумеется, не принимать во внимание того, что выходило из-под пера малограмотных писарей захолустных канцелярий или случайных составителей разных челобитных и актов»⁴³.

Государственные и деловые документы, в языке которых отражена и общественно-политическая, и профессионально-терминологическая, и общеупотребительная, в частности и просторечная, лексика и фразеология, а также синтаксические конструкции разговорного языка, в значительной мере сближали письменный язык с общенародным разговорным языком.

По своему характеру и по своей роли в общей системе литературного языка к деловым стилям близок стиль летописания. Традиция летописания не прерывалась. Как в Киеве, так и в других городах, в разных монастырях составлялись летописи, ярко отразившие народный украинский язык. Примером может служить язык так называемой Хмельницкой летописи (вторая четверть XVII в.)⁴⁴.

⁴⁰ «Памятники, издаанные Киевскою комиссиею...», т. I, 2-е изд., Киев, 1898, стр. 219—220.

⁴¹ См. «Киевская старина», т. XI, апрель, Киев, 1885, стр. 744—745.

⁴² См. там же, март, стр. 541—542.

⁴³ Л. А. Булаховський, З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групи (речення). Синтаксичні особливості при них, «Наукові записки Київ. ун-ту», т. V, вип. 2, Киев, 1946, стр. 71.

⁴⁴ Название происходит от города Хмельника, где летопись была написана.

Здесь, как и в других летописях, фиксируется живой народно-разговорный украинский язык, обработанный рукою мастера. Можно сказать, что некоторые места летописи по своему стилю напоминают художественно-историческую повесть с выразительными поэтическими фигурами, например:

«...и не дармо земля *тряслася*: *трясли* и *ляжи* козаков. На Украинѣ рѣки зафарбовалися от кривѣ людскои, *повны* были болота трупы ляцкогo, а *повны* *пали* были трупы козацкого по мѣстах» (курсив мой. — И. Б.)⁴⁵.

Не утрачивал своего значения и славянорусский язык, на котором во второй половине XVII в. были написаны выдающиеся произведения историко-повествовательной, ораторской, художественной литературы (стихотворения и драмы). Однако и здесь распространялось употребление новой, «светской» общественно-публицистической, научно-терминологической лексики и фразеологии. Это определялось самой тематикой произведений, отражающих возросший интерес широких кругов общества к историческим событиям. К произведениям этого типа принадлежат, например, «Густинская летопись», написанная в 1670 г. иеромонахом Михаилом Лосицким⁴⁶, «Кройника з Лѣтописей староданных» Феодосия Сафоновича (вторая половина XVII в.) и связанный с ней «Синописис» Иннокентия Гизеля, впервые напечатанный в Киеве в 1674 г.⁴⁷ — популярная книга по родной истории, выдержавшая до 18 изданий и распространявшаяся в рукописных копиях в России и на Украине.

Заметное место среди других жанров во второй половине XVII в. занимала ораторская проза религиозно-публицистического характера. Здесь разъяснялось значение воссоединения Украины с Россией для спасения украинского народа, резко осуждалась иезуитско-католическая и турецко-татарская экспансия, направленная на порабощение украинского народа. Среди произведений этого жанра выделяются «Назання» Лазаря Барановича, собранные в книгах «Меч духовный» (1666) и «Трубы словес проповѣдных» (1674); «Ключ разумлѣный» (1659) и приложенный к этой книге при переиздании ее трактат «Наука, албо способ зложения казанья»; сборник религиозных рассказов «Небо новое» (1665, 1667, 1699) Иоанкия Галытовского; «Огородок...» (1676) и другие произведения Антония Радвильовского.

Как известно, авторы этих произведений были преподавателями Киево-могилянской академии, где ораторское искусство и в теоретико-учебном, и в практическом плане стояло очень высоко. В зависимости от предмета речи различались разные типы ораторских произведений (высший, средний и низший); ораторское искусство имело дифференцированные стили, или слог, например: цветущий, лаконический, азиатский, плинвианский, сенеклианский, остроумный, аллегорический, ученый, исторический, ораторский, проповеднический, удивительный и другие⁴⁸.

Не удивительно, что в произведениях упомянутых авторов мы наблюдаем сложное словесное построение, изысканную орнаментацию, хитро-

⁴⁵ Хмельницкая летопись, в кн. «Лѣтопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложеніями», Киев, 1878, стр. 78.

⁴⁶ «Густинская летопись», в кн. «Поля. собр. рус. летописей», т. II, Прибавление к «Ипатьевской летописи», СПб., 1843, стр. 233—373.

⁴⁷ См. А. Рогозинский, «Кройника» Феодосия Сафоновича и ее отношение к «Киевскому Синописису» Иннокентия Гизеля, «Известия Отдѣния рус. языка и словесности Имп. акад. наук», т. XV, кн. 4, СПб., 1910, стр. 270—286.

⁴⁸ См. Н. Петров, О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году, «Труды Киевской духовной академии», Киев, 1868, т. I, стр. 481.

умные аллегории, широкие сравнения, метафоры, анафоры, градации, сложную символику [ср., например, символику букв в имени *Марія* в произведении Д. Туптало «Руно орошенное» (1683)]⁴⁹. Однако нередко в ткань высокой ораторской прозы включались рассказы об исторических происшествиях, анекдоты, бытовые сценки, написанные более «реалистическим» языком, особенно со стороны лексики и фразеологии (ср., например, язык такого рода «новелл» в произведениях А. Радивиловского — о царе и двух дочерях, о купцах и т. п.)⁵⁰.

На славянорусском языке во второй половине XVII в. был создан также ряд религиозно-панегирических стихотворений и много школьных драм⁵¹. Со стороны языка особенно интересна драма об Алексее, человеке божьем (1673—1674): в бытовых сценах (например, с крестьянами, которые приносят молодым подарки) действующие лица говорят на народном украинском языке. Впоследствии эти бытовые сцены, разговор персонажей на народном языке получили широкое распространение в интермедиях, которые заняли важное место в драматической литературе эпохи и сыграли значительную роль в развитии литературного языка. Другой характерной чертой языка драмы об Алексее является употребление, наряду с польскими лексическими элементами, русских слов (например, в языке Евфимиана, отца Алексея). Это явление наблюдается также в драме XVIII в.

Таким образом, к концу XVIII в. народно-разговорный украинский язык все активнее проникает в разные сферы письменности. Противоречия между старой книжной формой литературного языка и потребностями письменного общения на общенародном языке все настойчивее требовали преобразования литературного языка. Это преобразование усилилось в XVIII в. под непосредственным влиянием русского языка и русской культуры.

После воссоединения с Россией Украина вступила на новый путь экономического и культурного развития. Тесные связи с Россией содействовали экономическому и культурному росту Украины. На украинскую культуру и науку огромное прогрессивное влияние оказывали передовые идеи, зарождавшиеся и распространявшиеся в России. Петровские реформы, ограничившие влияние церкви и стимулировавшие развитие естественных, математических и других наук, реформы школы и книгопечатания находили свой отклик и на Украине. Развития украинской науки и культуры не могли остановить ни тяжелый крепостнический гнет, ни национальное угнетение со стороны русского царизма.

В течение XVIII в., особенно во второй его половине, деятельность передовых русских ученых и писателей оказывала благотворное влияние на развитие общественной и научной мысли Украины; особенно большое значение имела деятельность М. В. Ломоносова. П. Житецкий писал, что сложные задачи упорядочения литературного языка «решил, как известно, Ломоносов, создатель нашего литературного языка, который служит органом умственной жизни для всех нас — людей Великой, Малой и Белой России»⁵². Теоретические установки и языковая практика Ломоносова открыли живому народному языку широкую дорогу в письменный язык. Характерно, что хотя Ломоносов отвел для языкового просторечия «низкий» стиль, сам он употреблял просторечие и в произведениях

⁴⁹ См. «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 274.

⁵⁰ См. там же, стр. 273.

⁵¹ Со времени 1673 г. до 1795 г. сохранилось свыше двадцати текстов школьных драм, преимущественно религиозно-поучительного содержания.

⁵² П. И. Ж и т е ц к и й, Старинные воззрения русских людей на русский язык, «Киевская старина», т. IV, Киев, 1882, стр. 291.

«высокого» стиля. Еще больше вводили просторечие в «высокий» и «средний» стили последователи Ломоносова.

Научные и философские труды, литературные произведения М. В. Ломоносова глубоко изучались и практически использовались в Киевской академии, которая играла значительную роль в русско-украинских культурных связях еще в XVII в. Ряд видных преподавателей Академии, писателей и ораторов, например, Димитрий Ростовский (Дмитро Туптало), Стефан Яворский, а особенно Феофан Прокопович, деятельность которых была направлена на укрепление русско-украинских связей, подолгу жили в России. В самой Киевской академии постепенно менялся дух и направление обучения. Уже со второй половины XVII в. в классах пиитики и риторики упражнения выполнялись воспитанниками не только на латинском и польском, но и на так называемом «южнорусском» языке⁵³. На этот язык были в Академии переведены и некоторые богословские книги, например, катехизис В. Ясинского (1665)⁵⁴. С 1736 г. в пиитиках Академии как материал для упражнений появляются стихотворения на русском языке⁵⁵. С середины XVIII в. в Академии уже преподавались русская риторика и поэзия. При преподавании просодии опирались на теоретические положения и на литературные произведения Феофана Прокоповича и М. В. Ломоносова⁵⁶. Поэмы Горация переводились — и стихами, и прозой — на русский язык⁵⁷. Оды Ломоносова, Кантемира, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Майкова стали рассматриваться в Киевской академии как образцы⁵⁸; они принимались за образцы и киевскими поэтами. Примером могут служить стихотворения М. Козачинского по случаю прибытия в Киев царицы Елизаветы (1744), написанные на русском языке с выразительными украинизмами («Як не можно *Вси* не ложно считать звѣзды в горѣ; Трудно знати и поняти, Скільки воды в морѣ») ⁵⁹. Гимны Ириней Фальковского по своему стилю сходны с одами М. В. Ломоносова⁶⁰.

С середины XVIII в. в Киевской академии вводится преподавание русского языка. Большую роль здесь сыграла деятельность ректора Самуила Миславского (период ректорства 1759—1768 гг.). Хорошо зная русский язык и литературу, С. Миславский высоко ценил научную и литературную деятельность М. В. Ломоносова и предлагал воспитанникам Академии учить его оды наизусть, а преподавателям советовал вместе с учениками упражняться в составлении стихотворений на русском языке по образцам Ломоносова и других русских поэтов, чтобы достичь «остроты в эпиграммах, нежности в мадригалах, простоты в баснях, удовольствия в песнях, страдания в элегиях, искренности в сатире, восторга в оде, ужаса и жалости в трагедии, смеха и обмана в комедии»⁶¹. С. Мис-

⁵³ См. Н. И. Петров, Киевская Академия во второй половине XVII века, Киев, 1895, стр. 83.

⁵⁴ См. там же, стр. 80; в этой же книге помещен текст катехизиса (стр. 147—171).

⁵⁵ См. Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVIII века, Киев, 1880, стр. 6.

⁵⁶ См. «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии», Отд. II, т. II, Киев, 1905, стр. 77.

⁵⁷ См. В. Серебрянников, Киевская Академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 году, Киев, 1897, стр. 139.

⁵⁸ См. об этом П. М. Попов, Записки до історії українського письменства XVII—XVIII вв., I—III, Киев, 1923, стр. 18.

⁵⁹ Цит. по кн. В. Аскоченского «Киев с древнейшим его училищем Академиею», ч. II (Киев, 1856, стр. 55—56).

⁶⁰ См. Н. И. Петров, О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии..., 1867, т. I, стр. 89.

⁶¹ См. М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, вып. I (Прилож. к XXIV тому «Записок Имп. акад. наук», № 2), СПб., 1874, стр. 189.

лавский заботился о надлежащем уровне изучения русского языка воспитанниками Академии, о чем свидетельствует его распоряжение от 26 октября 1784 г. «О наблюдении как самими учителями, так и студентами и учениками Академии в русском языке исправного правописания и в чтении выговора»⁶².

Новые веяния и новые требования обусловили критическое отношение в Академии к «высокому», но искусственному, схоластическому красноречию. Внимание преподавателей и студентов привлекает реалистическое словесное искусство. Это нашло свое отражение в теоретических трудах. Уже с начала XVIII в. (1701—1705) в Академии была принята пиитика Феофана Прокоповича, отстаивающая требования реалистического искусства слова. Широкое применение в Академии имела также пиитика Аполлоса Байбакова (вторая половина XVIII в.)⁶³, где наряду с произведениями Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова изучались и комментировались образцы народной поэзии. Так, в качестве примеров стихотворений разных размеров Аполлос приводит тексты народных песен: «У дородного доброго молодца приуныло да ретиво сердце...»; «Стукнуло, грянуло в лесе, комар с дубу свалился, великий гром учинился»; «Не бушуйте вы, ветры буйные, вы, буйные ветры, осенние» — и др.⁶⁴ Привлечение фольклорно-песенного материала в академические пиитики и его теоретическое изучение было прогрессивным явлением: оно расширяло рамки литературного языка, привлекало внимание писателей к народному творчеству, благотворно влияло на выработку литературных вкусов.

Многообразные произведения устного народного творчества оказывали значительное влияние на язык письменной литературы. Как правильно отмечает проф. Н. Петров, в произведениях украинской литературы XVIII в. можно наблюдать «...удивительную амальгаму письменных источников всякого рода с произведениями устной народной словесности»⁶⁵. В украинской литературе господствовала тенденция к сближению с русской литературой. Как отмечает тот же исследователь, украинская литература стремилась к очищению «ожнорусского», т. е. украинского литературного языка от иностранных элементов и ко все более широкому внедрению в него живой стихии народного языкового творчества.

Украинское устное народное творчество богато историческими песнями и думами, посвященными героической борьбе украинского народа против захватчиков, выдающимся историческим событиям, тяжелой судьбе крепостного крестьянства и его борьбе с эксплуататорами. Народная песня XVIII в. характеризуется дальнейшим расширением своей тематики, охватом разнообразных сторон общественной жизни и быта (ср. песни батрацкие, рекрутские, солдатские, чумацкие, лирические и т. п.). Соответственно обогащаются и расширяются словесно-художественные средства, лексика, фразеология, ритмо-мелодика песни. Народные песни часто подвергались литературной обработке; они служили образцом для создания новых литературных произведений песенного жанра. Такова созданная в начале XVIII в. известная песня «Їхав козак за Дунай», песня о «чайке-небоге», некоторые песни Григория Сковороды и др. Резкой грани между народными песнями и произведениями художественной

⁶² «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии», Отд-ние II, т. V, Киев, 1908, стр. 81.

⁶³ См. Н. Петров, О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии..., 1867, т. 1, стр. 89.

⁶⁴ Цит. по указ. работе М. И. Сухомлинова, стр. 207.

⁶⁵ Н. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVIII века, стр. 5.

литературы близкого жанра в XVIII в., особенно во второй его половине, не было⁶⁶. От XVIII в. сохранились также рукописные сборники украинских пословиц и поговорок, например, сборник 1738—1743 гг. И. Ушивского — ученика харьковского коллежника⁶⁷. Сложнее был процесс взаимодействия письменного и разговорного языка в других жанрах украинской литературы XVIII в. — в «казацких» летописях, в драме, сатире, лирике и др. Здесь ярко отразились разные вкусы писателей, различное понимание ими норм литературного языка.

В языке летописания, историко-мемуарной прозы можно отметить три основные тенденции: это было или продолжение традиций украинского книжного языка, тесно взаимодействующего с языком разговорным, или продолжение традиции славянорусского языка, или, наконец, последовательно проводимое обогащение книжного украинского языка, почти лишенного старославянизмов и полонизмов, словами и формами русского литературного языка.

Примером осуществления первой из названных тенденций может служить «Летопись Самовидца», описывающая события второй половины XVII и начала XVIII в. (кончая 1702 г.), а также летопись С. Величко⁶⁸. Язык «Летописи Самовидца» в основных чертах похож на язык упоминавшихся выше летописей Киевской и Хмельницкой: он близок к украинской народной речи, включает в себя живые народные пословицы, простонародные выражения⁶⁹. Общий стиль этой летописи отходит от стиля «чистого» документального летописания и приближается к жанру литературного повествования.

В сравнении с простой повествовательной манерой этой летописи язык летописи С. Величко много сложнее. Лексика и фразеология книжного языка соединяется здесь с устно-разговорными элементами русского, польского и латинского языков; синтаксис характеризуется сложной, разветвленной фразой, яркими чертами риторичности. В исследовании о синтаксисе летописи С. Величко А. Я. Петренко подчеркивает, что синтаксис языка этой летописи своей сложностью и стройностью отражает высший, в сравнении с предыдущим периодом, этап в развитии украинского литературного языка, сформировавшегося уже в язык национальный. В украинском языке постепенно вырабатывались средства передачи все более сложных мыслей, что нашло, в частности, свое отражение в оформлении сложной системы подчинительных союзов⁷⁰.

В летописи Грабянки (1710) черты разговорного украинского языка незначительны. Стремясь создать произведение высокого, патетического стиля, автор прибегнул к подчеркнутой стилизации под церковнославянский

⁶⁶ См. «Історія української літератури», т. I (макет), Київ, 1953, стр. 113.

⁶⁷ Характеристика сборника дана Н. Петровым в «Очерках из истории украинской литературы XVIII века», стр. 3—5.

⁶⁸ «Летопись событий в юго-западной России в XVII вѣкѣ. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского. 1720», Киев, изд. Временной комиссии для разбора древних актов, 1848—1864.

⁶⁹ См. О. Левинский, Опыт исследования о летописи Самовидца, в кн. «Летопись Самовидца...», стр. 64.

⁷⁰ Изучение системы подчинительных союзов в летописи С. Величко дало А. Я. Петренко возможность показать, что в основе этой системы, как и в основе всего украинского национального языка, лежат прежде всего явления полтавско-киевского диалекта. При всей «высокости» стиля Величко, при его часто искусственных попытках оперировать староболгаризмами или польскими элементами для сцепления предложений — все же элементы живой речи полтавско-киевского диалекта дают себя заметно чувствовать в каждой группе союзов (изъянительное *що*, причинное *бо*, результативные *отже* и *аж* и т. д.) (А. Я. Петренко, Очерк по истории гипотактических союзов в украинском языке. На материале летописи С. Величко. Автореферат канд. дисс., Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1952, стр. 14).

язык (ср., например, употребление старых временных форм глаголов, старославянских союзов и др.); даже для своего времени этот стиль в жанре историко-мемуарной прозы был уже в некоторой степени архаичным.

По-разному использовались украинскими писателями XVIII в. достижения русского литературного языка. Широко применялось непосредственное заимствование русской лексики и фразеологии, вводившейся в язык украинских произведений как в украинизированных, так и в собственно русских формах. Примером произведения историко-мемуарного жанра, широко использующего русскую лексику, может служить «Летописец, или описание краткое знатнейших дѣйств и случаев, что в котором году дѣялось в Украини малороссійской обѣх сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким» (1742).

Следует отметить, что при всей пестроте и, во многих случаях, искусственности языка историко-мемуарной прозы XVIII в. она представляла собой важный этап в развитии и усовершенствовании украинской литературы и языка. Ее достижения в развитии и синтаксическом совершенствовании фразы были использованы в последующее время в языке так называемой новой литературы. Каким бы ни был общий стиль «козацкий» летописи — книжно-украинским или «славянорусским» — в нее всегда вводились образцы устного народного творчества и живого языка народа — пословицы, поговорки, исторические песни, предания и т. д. Даже в летописи Грабянки находим исторические народные песни о Богдане Хмельницком, о битвах украинского народа против польской шляхты и т. д.

Подобные явления наблюдаются и в произведениях драматургического жанра. Так, трагедокомедия Феофана Прокоповича «Владимір, славенороссійских стран князь и повелитель» (1705), приписываемая Ф. Трофимовичу драма «Милость божія, Украину от неудоб носимых обид лядских чрез Богдана Зиновія Хмельницкого преславного войск запорозких гетмана, свободившая...» (1728) и др. написаны в основе своей на церковнославянском языке, но в них ясно проступают фонетические черты украинского народного языка (например, рифмовка слов с *и* и *ь*: *кумиры — вѣры* и т. п.), украинская лексика и т. д. Особенно характерен в этом отношении язык «Милости божіей...», где церковнославянские и украинские народно-разговорные элементы чередуются в зависимости от того, кто говорит и к кому обращена речь. Язык монологов Богдана Хмельницкого, Музы и Аполло, символических фигур «Смотрѣнія божого», Украины, а также прозаического эпизода резко отличается от обращений Хмельницкого к казакам, ответов казаков, выступлений хора, язык которых очень близок к народному украинскому языку⁷¹.

И уже совсем свободно звучал украинский народно-разговорный язык в интермедиях к пьесам М. Довгалева «Комическое дѣйствіе» (1736) и «„Властотворный“ образ челоѡколюбія божія» (1737), к пьесе Г. Конисского «Воскресеніе мертвых», в вертенной драме. Для М. Довгалева украинский язык интермедий (или интерлюдий) не был чем-то случайным; он определялся теоретическими взглядами автора, для которого интермедии «...не были только пародиями на простой народ или бесцельными насмешками над ним, как у польских иезуитов XVII века, а представляли реальные бытовые картины, не чуждые иногда и драматического элемента»⁷².

Питика М. Довгалева требовала, чтобы комедии писались «слогом простым, деревенским, мужицким»⁷³. В соответствии с этими установ-

⁷¹ См. «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 327.

⁷² Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков, стр. 294.

⁷³ См. Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVIII века, стр. 69.

нами персонажи интермедий М. Довгалевского — украинские крестьяне, запорожцы — говорили на народно-разговорном украинском языке. В качестве примера приведем язык казака из интермедии М. Довгалевского к пьесе «Комическое дѣйствие»:

Мати моя старенька, чи ти мнѣ раденька
 Моєй молодости (2).
 Був у турка под рукамы, а в татаров з кайданами
 У самой жалости (2).
 Да же правда тепера нема добра всюди.
 Дармо прицумем виставляем груди...⁷⁴ и т. д.

Если принять во внимание то, что эти интермедии показывались как на левобережной Украине, так и в украинских землях, захваченных польской шляхтой, что в создании интермедий принимало участие много людей — студентов Академии из разных мест Украины и Белоруссии ⁷⁵, то следует признать, что интермедии сыграли значительную роль в развитии реалистического направления в украинской литературе и в развитии украинского литературного языка. Язык интермедий Довгалевского, вертепной драмы, сатирических стихотворений, песен и произведений других жанров, описанных выше, оказал бесспорное влияние на многие произведения «новой» украинской литературы. «Интермедия, — замечает А. И. Белецкий, — сыграла заметную роль в приближении литературы к народности и реализму» ⁷⁶.

Новая тематика, связанная с народной жизнью, требовала привлечения в литературу новых языковых средств. Особенно заметно это отразилось в стихотворных произведениях XVIII в. — в исторических, социально-бытовых, сатирических, бурлескных, лирических стихотворениях, так называемых рождественских и пасхальных виршах пародийного и шуточно-сатирического характера и др., распространявшихся преимущественно в рукописных копиях, в сборниках или в устном исполнении «странствующих дяков». Эта литература, широко известная и любимая народом, была близка ему по тематике и языку.

Среди стихотворений на социально-бытовые темы обращают на себя внимание произведения Климентия Зиновиева сына (конец XVII — нач. XVIII в.). Изображая в своих стихотворениях жизнь людей разных профессий — хлеборобов, пастухов, казаков, рыбаков, бондарей, кузнецов, кожемяк, слесарей, столяров, токарей, портных, ткачей, печатников и других, Климентий широко вводил в свои стихотворения профессиональную лексику ⁷⁷.

Для украинской литературы XVIII в. характерно большое количество сатирических стихотворений, сохранившихся в рукописных сборниках. В этих стихотворениях очень заметно влияние русской сатиры, в частности произведений А. Кантемира. Это свидетельствует «...о существовании тесных русско-украинских взаимоотношений в области общественно-политической, разоблачительно-сатирической поэзии XVIII столетия» ⁷⁸.

Сатирические стихотворения этого времени писались на украинском языке с элементами языков русского и польского, а также на языке церковнославянском. Украинский язык сатиры (например, стихотворения

⁷⁴ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 361 и др.

⁷⁵ См. Н. И. Петров, Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков, стр. 318.

⁷⁶ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 359.

⁷⁷ См. там же, стр. 206—211.

⁷⁸ Ф. Я. Шолом, Російсько-українські зв'язки в галузі громадсько-політичної поезії XVIII століття, «Филолог. збірник», № 4 («Наукові записки Київ. ун-ту», т. XI, вип. IX), Киев, 1952, стр. 137.

«Отець Негребецький», «Пекельний Марко», о Кирике и др.) близок к современному:

Село Негрибка, воно на Подолі;
Там двір є, церква, парохія доволі...
Дяк, паламарь гладкі, тільки піп бідняк:
Хоч не старий і розумний, трохи був гуляка.
Не душив конійку, не міг доробитись,
Бо частенько і гульненько любив веселитись».⁷⁹

«Отець Негребецький»

Исполненным юмора украинским языком, богатым просторечной и аффективной лексикой и фразеологией, написаны бурлескные и пародийные стихотворения и диалоги, короткие рассказы, оказавшие впоследствии заметное влияние на «Энеиду» Котляревского.

Более сложное явление представляет собой язык произведений выдающегося украинского писателя и философа Г. С. Сковороды (1722—1794). Человек высокой учености, Г. С. Сковорода был знаком с передовыми идеями русской общественной прогрессивной мысли, в частности, с идеями Ломоносова и Радищева, оказавшими значительное влияние на украинского философа. С разнообразием писательской деятельности Г. С. Сковороды связано разнообразие его языковых средств. В стихотворениях на философские и научные темы, в прозаических «Баснях харьковских», в диалогах обнаруживается своеобразное смешение старославянского, русского и украинского языков, сопровождаемое словотворчеством на основе смешения элементов украинского и русского языков. П. Житецкий, характеризует язык произведений Г. С. Сковороды, писал, что «не легко иногда разобраться в этом хаосе слов, то различных по значению и по происхождению, то сходных по значению, но различных по происхождению»⁸⁰. В языке произведений Г. С. Сковороды отражаются противоречия, характерные для украинского литературного языка и для соотношения его стилей в конце XVIII в., отражается борьба нового и старого. Язык произведений Г. С. Сковороды завершает собой длительную традицию широкого использования в украинской литературе старокнижного, церковнославянского языка. В то же время здесь обнаруживаются прогрессивные тенденции сатирического использования старославянской лексики, введения русских слов для обозначения сложных понятий, сочетания этих элементов с живым украинским языком, — тенденции, дающие основание считать Г. С. Сковороду одним из предшественников И. П. Котляревского. В истории развития украинского литературного языка XVIII в. большую роль сыграл язык переводных произведений. Здесь выделяются переводные произведения византийско-славянского происхождения (апокрифы, житийная литература, патерики, повести, например, «Александрия», «Варлаам и Иоасаф», «Сказание об индийском царстве» и др.) и произведения, восходящие к западным источникам (например, повести о Троянской войне, о Бове Королевиче, о Петре Золотые Ключи, новеллы Боккаччо и др.). Язык этих переводов еще ждет своего исследователя. Однако само наличие их свидетельствует о существовании в XVIII в. разнообразной и богатой литературы на украинском языке.

Все сказанное о развитии украинского литературного языка XVIII в. свидетельствует о том, что в нем укреплялись и обогащались стили, непосредственно основывавшиеся на народно-разговорной речи, обслуживавшие широкие массы украинского народа; эти стили вступали в противоречие с традиционными стилями церковнославянского языка, пережи-

⁷⁹ «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 421.

⁸⁰ П. Ж и т е ц к и й, «Энеида» Котляревского..., стр. 52.

вавшими кризис и упадок и все более и более сужавшими сферу своего употребления.

Эти знаменательные явления были обусловлены всем историческим процессом формирования украинской народности в нацию. В. И. Ленин писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»⁸¹. Закрепление народно-разговорного языка в литературе, устранение разрыва между языком письменным и устным было, таким образом, явлением, исторически обусловленным и необходимым. Подготовленный всем ходом исторического развития, этот процесс нашел свое яркое проявление именно в эпоху формирования украинской нации. Самым выдающимся представителем украинского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. был И. П. Котляревский, языковое творчество которого было важным этапом в развитии украинского литературного языка. Позднее, в творчестве Т. Г. Шевченко украинский литературный язык был поднят на дальнейшую ступень своего исторического развития: здесь органически соединились сокровища украинского народного творчества, разговорного языка украинского народа, лучшие черты литературной традиции и творчески воспринятые достижения русского литературного языка.

Объединившись с великим русским народом в 1654 г., украинский народ спас себя от национального уничтожения иноземными захватчиками, спас свою национальную культуру и язык. Пользуясь братской поддержкой со стороны прогрессивных сил русского народа, вопреки царским запретам и правительственной цензуре, украинский народ неуклонно шел вперед по пути развития и совершенствования своего литературного языка. Еще в дооктябрьский период он выдвинул таких мастеров художественного слова, как Шевченко, Франко, Коцюбинский, Леся Украинка и другие, своим творчеством обеспечивших украинскому литературному языку прочное место среди богатейших литературных языков мира.

Еще в дореволюционное время, в условиях жестокой реакции, Коммунистическая партия, ее великие вожди В. И. Ленин и И. В. Сталин горячо отстаивали право украинского языка на свободное развитие и совершенствование. В братской семье народов Советского Союза, на основе ленинско-сталинской национальной политики расцвела социалистическая по содержанию, национальная по форме культура украинской социалистической нации. Развиваясь в тесном дружеском общении с литературным языком великого русского народа, украинский литературный язык неизмеримо вырос и обогатился. Языковые богатства украинского народа отражены в произведениях выдающихся украинских советских писателей, публицистов, ученых.

Язык украинского народа, воссоединившегося благодаря мудрой деятельности Коммунистической партии во всех своих землях, является мощным орудием развития и борьбы за построение коммунистического общества в нашей стране.

⁸¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.